

**“To words you get used day by day...”
(S. Ostrovj): based on the Polish,
Russian, English and French languages**

The article deals with the referential aspect of the language picture of the world (the ratio of culture and language, as well as the functions of a linguistic image). The types of metaphors (landscape, zoomorphic, phytomorphic, sociomorphic, military, metaphors of everyday life – gastronomy and clothes) are studied on the material of the Polish, Russian, English and French languages.

Key words: *image, language picture of the world, landscape, zoomorphic, phytomorphic, sociomorphic, military metaphor, metaphor of everyday life.*

(Статья поступила в редакцию 06.03.2018)

И.Г. ИЩЕНКО
(Благовещенск)

**СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭВФЕМИЗМОВ
И ДИСФЕМИЗМОВ В БРИТАНСКОЙ
ПРЕССЕ**

Выявляются новые тенденции использования эвфемизмов и дисфемизмов в современной британской прессе. Складывается языковая ситуация, которая характеризуется намеренным отказом от употребления положительно коннотированной лексики, скрывающей или маскирующей истинный смысл высказывания. Анализ проведен на материале электронных версий газет “The Guardian” и “Independent”.

Ключевые слова: *эвфемизм, дисфемизм, политкорректность, мелиорация, пейорация.*

Для языка современных средств массовой информации характерны две противоположные тенденции: с одной стороны, эвфемизация речи с целью ухода от обострения конфликта, с другой – намеренный отказ от нейтральных, политкорректных речевых единиц. Выбор той или иной тональности публикации с соответствующими языковыми средствами определяется коммуникативной установкой автора статьи, редакционной политикой издания. Важен учет и языковой нормы, правил речевого эти-

кета, принципов политкорректности и толерантности. Речевая норма, являясь важным регламентирующим механизмом словоупотребления, не остается неизменной. Она претерпевает те же изменения, которые происходят в обществе, адаптируясь к меняющимся взглядам, ценностям, идеалам.

Эвфемизмы – языковые единицы, представляющие собой «замененные, разрешенные слова, которые употребляются вместо запрещенных (табуированных)» [2, с. 105]. Их основной целью принято считать «стремление не обидеть, не задеть чувств человека, избежать коммуникативных конфликтов» [4, с. 36]. Однако роль и функции некоторых эвфемизмов меняются со временем, они устаревают, становятся неактуальными в силу изменений в социальной, политической, идеологической сферах общества.

В языке современных СМИ все отчетливее проявляется тенденция использования более прямолинейных, а иногда и жестких высказываний. «Замена эмоционально и стилистически нейтральных слов более грубыми, пренебрежительными» называется дисфемизацией [1, с. 407]. Это языковое явление «возникает в процессе демократизации вокабуляра как либеральный отклик на предоставленную свободу слова» [5, с. 73].

Таким образом, современная языковая ситуация обеспечивает автору широкий выбор: следовать стандартам речевого поведения или намеренно отойти от принятых стереотипов речевой нормы. Следует отметить, что дисфемизация рассматривается некоторыми исследователями через призму эвфемизации. Так, Е.П. Сеничкина определяет дисфемизм как один из видов эвфемизмов, утративший свою основную функцию, функцию смягчения, и уже не являющийся субститутутом неприятного или неприличного явления. Такой процесс потери вуалирующих функций этих единиц заставляет людей использовать другие, более эвфемистичные замены [3, с. 59].

Анализ текстов современной британской прессы позволил выявить интересное явление – возврат к использованию тех наименований, которые были когда-то вытеснены по причине недостаточной степени эвфемистичности другими, более политкорректными. На материале газет “The Guardian” [9] и “Independent” [6] за период 2015–2016 гг. мы попытались выявить тенденции использования эвфемизмов в статьях, затрагивающих социально-

политические аспекты. С этой целью мы проследили употребление ряда единиц, входящих в корпус эвфемистичной лексики на основе соответствующих словарей и тематических классификаций. Это в первую очередь слова и выражения, исключающие разные виды дискриминации по возрасту, состоянию здоровья, социальному статусу и т. д. Так, для характеристики людей, испытывающих материальные трудности, а также для обозначения неблагополучных районов их проживания рекомендовано употреблять выражения *socially deprived*, *economically deprived*, *economically depressed*. Причиной создания подобных эвфемистичных замен, возможно, является стремление сгладить проблемы, связанные с имущественным неравенством людей: *But we're totally averse to doing that, and so we have a large population who live in an economically deprived area* (The Guardian. 23.11.2016); *Ms Clinton said she would put her husband in charge of revitalizing economically depressed areas* (Independent. 18.05.2016); *It has been an exhausting period of change, in a socially deprived area* (The Guardian. 13.11.2016). Наряду с данными конструкциями для описания людей, испытывающих материальные трудности, употребляется субстантивированное прилагательное *the needy*, которое, как и другие эвфемизмы, существующие достаточно долго в этом статусе, подверглось пейорации и перестает осознаваться носителями языка как эвфемизм. Более того, наблюдается тенденция использовать лексему *the poor*, входящую в предметно-понятийную сферу табу, связанную с бедностью: *Giving for Greece: who are the donors bailing out the poor and needy?* (The Guardian. 7.07.2015); *Student loans 'increasing the division between rich and poor'* (The Guardian. 31.10.2016); *Stop using Black Friday as an excuse to laugh at the poor* (Independent. 25.11.2016). Авторы статей не пытаются скрыть проблемы малоимущих людей, а наоборот, всячески подчеркивают их, тем самым называя вещи своими именами, акцентируя социальное неравенство, а не нейтрализуя и смягчая ситуацию политкорректными выражениями. Данное предположение подтверждается и статистическими данными. Подсчет производился для каждого издания отдельно: из статей за указанный период отбирались слова и выражения, используемые для описания неблагополучного материального состояния людей и территорий. Общее количество этих наименований приравнивалось к 100 %, среди которых выделялись конкретные груп-

пы исследуемой лексики. Частота употребления описанных выше единиц в выпусках газет за 2015–2016 гг. следующая.

- Independent: *the poor* – 68 %, *economically deprived* – 10 %, *the needy* – 9 %, *economically depressed* – 7 %, *socially deprived* – 6 %;
- The Guardian: *the poor* – 72 %, *the needy* – 12 %, *socially deprived* – 9 %, *economically depressed* – 4 %, *economically deprived* – 3 %.

Данный метод подсчета применялся и при анализе всех других примеров.

Рассмотрим группу единиц, нейтрализующих возрастную дискриминацию. Как правило, вместо *old* рекомендовались такие эвфемистичные замены, как *seasoned*, *advanced in years*. Однако в рассмотренных изданиях не было обнаружено приведенных выше эвфемизмов для описания людей преклонного возраста. Можно выделить прилагательное *mature*, которое встречается в некоторых контекстах как их синоним для обозначения возрастных характеристик людей: *In defence of the annoying mature-age student* (The Guardian. 2.12.2015). Возникает предположение, что авторы отказываются от эвфемистичных выражений, т. к. их семантика становится несколько размытой, т. е. происходит субституция денотата (например, «старый» – на «опытный», «зрелый»). А эта замена приводит не только к сглаживанию ситуации, но иногда и к искажению действительности. Так, лексема *old*, включенная в список современных табу, все чаще появляется в прессе в своем прямом значении. Например: *Poor old Nigel Farage struggles to take back control in LBC phone-in* (The Guardian. 27.11.2016); *The oldest woman alive, who lives on raw eggs and cookies, is celebrating her 117th birthday* (Independent. 30.11.2016). Статистика подтверждает выявленную тенденцию. Так, в газете Independent было зафиксировано использование *mature* – 80 %, *old* – 20 %, а в газете The Guardian 85 и 15 % соответственно. Эти данные демонстрируют доминирование нейтрального слова *mature* в сопоставлении с *old*, но при этом полное отсутствие эвфемизмов *senior*, *seasoned*, *advanced in years*.

Одной из самых больших групп эвфемистических наименований являются лексические единицы, направленные на смягчение ограничений по состоянию умственного и физического здоровья. К ним, в частности, относятся лексические замены, образованные путем расширения значения, такие как *people with learning difficulties*, *people with learn-*

ing disabilities, children with developmental disabilities: Largest state-operated facility for those with developmental disabilities was holding event when shooters killed up to 14 attendees in San Bernardino (The Guardian. 2.12.2015); **People with learning disabilities are still not recognized as fully human** (The Guardian. 1.03.2016); **A 19-year-old with learning difficulties is said to be among those 'bombed' with demands for repayment** (Independent. 26.11.2016). Кроме того, в публикациях газет используется слово *disabled*, которое стало употребляться в качестве эвфемизма гораздо раньше вышеупомянутых выражений, но со временем утратило свой мелиоративный потенциал: *It superseded outmoded, now often offensive, terms such as crippled, defective, and handicapped and has not been overtaken itself by newer coinages such as differently abled or physically challenged. Although the usage is very widespread, some people regard the use of the adjective as a plural noun (as in the needs of the disabled) as dehumanizing because it tends to treat people with disabilities as an undifferentiated group, defined merely by their capabilities* [8]. Таким образом, можно констатировать, что термин *disabled* претерпевает процесс дисфемизации. Несмотря на это, данная единица является достаточно распространенной на страницах газет, что подтверждается количественными данными:

- Independent: *disabled* – 85 %, *people with learning disabilities* – 9 %, *people with learning difficulties* – 3 %, *people with developmental disabilities* – 3 %;
- The Guardian: *disabled* – 74 %, *people with learning disabilities* – 22 %, *people with developmental disabilities* – 2 %, *people with learning difficulties* – 2 %.

Выявленная закономерность может быть подтверждена и примером с обозначением конкретного физического состояния человека – слепоты и нарушения зрения. Как известно, прямое наименование *blind* из соображений политкорректности заменялось фразами с генерализованной семантикой *visually-challenged* и *visually-impaired*: *As a visually impaired person, Maya Haynes had to wait six months for a large print copy of Harry Potter and the Deathly Hallows – and when it came it was more of a doorstep than a book!* (The Guardian. 4.11.2015). В газетных статьях за указанный период не было зафиксировано единицы *visually challenged*. В газете Independent было обнаружено 10 % случаев использования *visually impaired* и 90 % – *blind*, в газете The Guardian 14 и 86 % соответ-

ственно. В некоторых контекстах обе единицы используются как синонимичные средства: **Blind artists and a unique vision: The visually impaired artists using tech to see things differently** (Independent. 16.09.2016). В данном случае следует указать на отсутствие семантического тождества двух единиц. Если лексическое значение слова *blind* – “unable to see”, то значение *visually impaired* – “unable to see normally” [7]. Таким образом, замена одной единицы на другую может привести к смысловой неточности, искажению фактической информации. Возможно, эта причина объясняет выбор авторов в пользу более точных наименований.

Изменения происходят и в названиях таких социальных учреждений, как пункты временного размещения беженцев. Так, были зафиксированы нейтральные наименования *reception centre, induction centre: The protesters proclaimed it 'Stop the Draft Week' and blockaded the Oakland Induction Centre, where army recruits would arrive* (The Guardian. 4.02.2016); *In 2015 around 700,000 people have come to Europe seeking sanctuary or jobs so far this year, overwhelming reception centres and border authorities* (Independent. 5.11.2015). Однако наряду с этими выражениями был выявлен дисфемизм *detention centre: According to reports, 350 men had been crammed into the detention centre, which has a capacity of 120* (Independent. 16.10.2016). Приведем статистические данные.

- Independent: *detention centre* – 81 %, *reception centre* – 12 %, *induction centre* – 7 %;
- The Guardian: *detention centre* – 73 %, *reception centre* – 21 %, *induction centre* – 6 %.

Эти данные демонстрируют намеренную дисфемизацию в статьях, посвященных проблеме беженцев, чтобы подчеркнуть переполненность пунктов временного размещения мигрантов. Возможно, используя подобные единицы, СМИ выражают недовольство людей огромным количеством беженцев в Европе, в частности Великобритании.

При употреблении более эвфемистичных наименований теряется острота проблемы и необходимости попыток поиска решений. Возможно, по этой причине наблюдается стремление к прямолинейности и отказу от чрезмерно расплывчатых эвфемистичных формулировок в пользу точных, хотя и не всегда мелиоративных наименований.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о том, что процесс демократиза-

ции языка становится более очевидным в средствах массовой информации. Это проявляется в широком использовании прямых номинаций и намеренной дисфемизации и детабуизации лексики. Авторы статей не только стремятся информировать о реальных фактах, не приукрашивая действительность, но и способствуют формированию объективного отношения к описываемым событиям и их оценки.

Список литературы

1. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995 гг.). М.: Эксмопресс, 2000.
2. Реформатский А.А. Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 1996.
3. Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка: учеб. пособие к спецкурсу. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2012.
4. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М.: Слово, 2000.
5. Шишова Е.В. Определение термина дисфемизм в лингвистических терминологических словарях, справочниках и энциклопедиях // Филология и культура. Philology and Culture. 2014. № 2(36). С. 73–79.
6. Independent [Electronic resource]. URL: <https://www.independent.co.uk> (дата обращения: 15.01.2018).
7. Longman Advanced Dictionary. Pearson Education Limited, 2000.
8. Oxford Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 15.01.2018).
9. The Guardian [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/uk> (дата обращения: 15.01.2018).

* * *

1. Krysin L.P. Jevfemizmy v sovremennoj russkoj rechi // Russkij jazyk konca XX stoletija (1985–1995 gg.). M.: Jeksmopress, 2000.
2. Reformatskij A.A. Vvedenie v jazykovedenie. M.: Aspekt Press, 1996.
3. Senichkina E.P. Jevfemizmy russkogo jazyka: uceb. posobie k speckursu. 2-e izd., ster. M.: Flinta, 2012.
4. Ter-Minasova S.G. Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija: uceb. posobie. M.: Slovo, 2000.
5. Shishova E.V. Opredelenie termina disfemizma v lingvisticheskih terminologicheskijh slovarjah, spravochnikah i jenciklopedijah // Filologija i kul'tura. Philology and Culture. 2014. № 2(36). S. 73–79.

© Красавский Н.А., 2018

Current trends of euphemism and dysphemism use in the British press

The article deals with the new trends in the use of euphemisms and dysphemisms in the modern British press. There is a linguistic situation, which is characterized by a deliberate refusal to use positively connoted vocabulary, hiding or masking the true meaning of the statement. The analysis is carried out on the material of the electronic versions of the newspapers "The Guardian" and "Independent".

Key words: *euphemism, dysphemism, political correctness, melioration, pejoration.*

(Статья поступила в редакцию 22.01.2018)

Н.А. КРАСАВСКИЙ
(Волгоград)

МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СТЕФАНА ЦВЕЙГА

Выявлены средства вербализации эмоций в художественных произведениях Стефана Цвейга, определены функции вербализующих их лексических единиц. Метафора является основным средством вербализации чувств и эмоций в произведениях австрийского писателя. Среди метафор в произведениях Стефана Цвейга наиболее частотны метафора огня и антропоморфная метафора.

Ключевые слова: *метафора, слово, эмотивный, функция, контекст, пассаж, повесть.*

Лингвистика эмоций (эмотиология) относится к числу активно развиваемых направлений современной филологии [6, с. 7–10; 14; 16], несмотря на накопленный в последние три десятилетия значительный багаж знаний отечественными и зарубежными учеными в этой отрасли гуманитарной науки [2; 4, с. 79–86; 8; 11; 17, с. 485–494; 18, с. 317–325]. Сложности решаемых лингвистикой эмоций проблем обусловлены в первую очередь самим ее объектом изучения – трудно объяснимой природой нашего чувственного мира и законов его функционирования.